

В гуще ликующих повстанцев бродил призрак Дарта Вейдера. Ему хотелось, чтобы они увидели его, чтобы он взмахнул своим световым мечом и уничтожил их всех. Но он был мертв, лишь тенью, неспособной вмешаться. Смутно он помнил, что такое уже случалось. Было ли это во сне? Или это был сон? Вейдер наблюдал за своим сыном, который, казалось, мог видеть его, и не мог понять, что же он чувствует к этому мальчику. С тех пор, как он впервые услышал о нем после уничтожения первой Звезды Смерти, его душила одержимость. Он хотел обратить его, сделать своим учеником, потому что только так он мог представить, что они останутся вместе. Он жаждал его близости, страстно желал. Вначале он опасался, что Учитель не позволит ему этого. Ведь ситхи жили по правилу двух. Если бы Вейдер взял себе ученика, он мог бы вызвать Дарта Сидиуса на дуэль. Но, к его удивлению, Сидиус отнесся к нему с пониманием. Он позволил ему пуститься в погоню за сыном и даже утешил его, когда тот вернулся с Беспина, раздавленный отказом Люка. В своем высокомерии он не мог понять, что повстанцы выставляют его чудовищем, и что его сын, как никто другой, позволил ослепить себя их пропагандой. Но когда Сидиус отказался от попыток склонить Люка на свою сторону, когда его пытки стали служить цели мучительно убивать, а не ломать волю мальчика, Вейдер понял, что ими снова манипулируют. Сидиус никогда не собирался позволять ему воспитывать Люка. Он либо позволил бы сыну убить его и занять его место, либо просто убил бы мальчика. Проблема заключалась в том, что, если бы Люк погиб по-другому, Вейдер немедленно заподозрил бы своего хозяина и стал бы мстить. Отпустив его за мальчиком, он дал ему понять, что сделал все возможное, чтобы помочь, что его сын просто потерял всякую надежду и что ему нужно смириться с тем, что он враг. Но он этого не сделал. Он не мог. Это был его сын, тот, которого он считал погибшим, постоянное напоминание о любимой жене. ***Энакин возился с проводами, и его лицо озарилось облегченной улыбкой, когда маленький дроид ожил. Он делал успехи. Скоро он покончит со своими обязанностями в магазине на сегодня. Маловероятно, что Ватто позволит ему уйти. Тойдарианец был сегодня в ужасном настроении. Несмотря на то, что Энакин не допустил ни единой ошибки и даже принес домой несколько крупных деталей, над которыми работала его мать, его все равно избили и отказали в обеде из-за такой глупости, как оскорбление клиента, которого он забыл поприветствовать. Энакин подслушал разговор Ватто с одним из его деловых партнеров, который рассказывал, как кто-то его ограбил. У него перехватило дыхание от волнения - он не мог себе представить, что кто-то осмелится ограбить торговца барахлом. В конце концов, это была не единственная его лавка, и недавно он заработал немного денег, делая ставки на скачках. К тому же воровство каралось рабством, а Хатты следили за тем, чтобы закон соблюдался. Никто не нарушал закон, не заплатив им. Но кто-то каким-то образом нашел тайник Уотто и унес оттуда деньги. Теперь Уотто был практически без денег. Энакина и его мать, вероятно, скоро снова продадут. Мальчик не знал, как к этому относиться. С одной стороны, Ватто был хуже Гардуллы Хатта, но с другой - он был лучше большинства своих клиентов. Энакин занимался своими делами как можно тише, стараясь не привлекать внимания. Время от времени он прислушивался к разговору Ватто с клиентами, пытаясь уловить его настроение и предугадать, когда тот вернется в магазин, чтобы сходить на склад за тем или иным инструментом. Вечером он услышал, как Ватто возбужденно разговаривает с покупателем на улице, пытаясь уговорить его зайти в магазин, что тот неохотно и сделал. Энакин видел его раньше. Мужчина был высок, раза в три выше Уоттоса, одет в дорогую кожаную одежду и шерстяной черный плащ. У него были вьющиеся каштановые волосы, шрам над правым глазом того же ослепительно-синего цвета, что и у Энакина, и мрачная угрюмость, которая, казалось, навсегда закрепилась в его чертах. Он пришел сюда четыре дня назад в поисках дроида. Он ничего не купил, но долго разговаривал с Ватто в комнате, где Тойдарианец занимался своими делами. Энакин уже собирался бежать в кладовую, когда его окликнул торговец барахлом. — Эй, мальчик! Иди сюда! Энакин пригнул голову и подошел, стараясь не смотреть на землю, потому что пялиться было невежливо. Ему стало интересно, откуда у этого человека шрам. — Он хороший мальчик, очень хорошо разбирается в технике. Он прирожденный, правда! — сказал Ватто. Энакин не удержался,

вскинул глаза и потрясенно посмотрел сначала на Уотто, потом на незнакомца. Он знал этот голос. Именно таким голосом синий ублюдок расхваливал свой товар. Он хотел продать Энакина! — Он работает над дроидами в этом магазине один? — спросил незнакомец. — Верно. У меня есть еще один раб, работающий над долгосрочными проектами, но этот заботится о товарах здесь. — Энакин умоляюще посмотрел на мужчину, пытаясь хоть как-то дать ему понять, что он не должен быть разлучен с матерью! Он не мог решить, помогло это или нет, но мужчина сказал:— Мне могут понадобиться две пары рук для помощи. — О! Это так. Ну что ж, тогда я великодушно принимаю ваше предыдущее предложение, причем в три раза больше, поскольку вторая рабыня - довольно привлекательная человеческая женщина...— Нет, — коротко ответил мужчина, — сумма, которую я вам назвал, предназначена для них обоих. — Что... но это... — Ты ведь понимаешь, что весь город сплетничает о тебе? Говорят, что вас ограбили и что у вас не осталось денег, кроме тех, что вы поставили на следующие скачки вместе с этим магазином. Однако в пустыне нашли тело гонщика, на которого вы поставили. Похоже, у него возникли проблемы с Хаттами. У вас нет денег, и вы скоро потеряете этот магазин. Эта сделка - лучшее, что вы можете получить, и вы это знаете. Ватто в отчаянии продолжал торговаться (или пытался) еще десять минут, но в конце концов ему пришлось признать поражение. Энакин почувствовал облегчение от того, что его не разлучат с матерью, но не знал, что думать об этом незнакомце. Он казался серьезным и... мрачным. Он не знал, как еще описать его. Уотто подписал все необходимые документы и передал пульт, управляющий передатчиками рабов. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багряные тона, когда Энакин, маленький и худой, как тростинка, брел по пыльной улице Мос-Эйсли. Он вел за собой незнакомца, чье лицо скрывала тень капюшона. Мужчина, высокий и широкоплечий, словно вытесанный из камня, излучал незримую мощь. — Пойдем, — сказал он, — моя мать живет неподалеку. Энакин сжал кулаки. Ему не нравился этот человек. Он был не похож ни на кого, кого он знал. Не на работаровца, не на механика, не на простого путешественника. Зачем ему покупать его и мать? — Я... я, наверное, сначала зайду и скажу маме... — промямлил Энакин. — Не нужно, — ответил незнакомец, и его голос, глубокий и хриплый, прозвучал неожиданно мягко. Они подошли к скромному дому, где жила его мать, Шми. Она открыла дверь, и ее глаза, полные удивления, уставились на обоих. Незнакомец, будто бы услышав ее мысли, ухмыльнулся и поднял небольшой пульт. — Это был успех, — произнес он. — Я — ты — как... Шми замерла, но не от страха. Она... она смеялась! Энакин ошеломленно наблюдал за ней. — Мама? — прошептал он. — О, Энакин, это замечательно! — она обняла его, и слезы текли по ее щекам. — Теперь все наладится, милый! — Мама, что происходит? — спросил Энакин, глядя на незнакомца. — Ты знаешь этого человека? Шми посмотрела на него, ее глаза заблестели. — Ты ничего ему не сказал? — спросила она. Незнакомец покачал головой. — Я подумал, что будет проще, если вы тоже будете здесь. — Он повернулся к Энакину, его взгляд был строг, как у судьи. — Меня зовут Энакин... Энакин Вейдер, и я... — он запнулся, бросив взгляд на Шми. — Я твой отец, Энакин. Земля под ногами Энакина будто задрожала. — Мой... мой отец? — повторил он, ошеломленный. Шми кивнула, ее взгляд был полон нежности. — Ты мой отец? — спросил Энакин, на лице его засияла широкая улыбка. — Тебя тоже зовут Энакин — значит, меня называли в твою честь, не так ли? Ты здесь, чтобы освободить нас? Плечи Вейдера расслабились, будто бы с него свалился огромный груз. — Верно. — Как ты это сделал? — спросила Шми. — Все было просто. — Вейдер улыбнулся, его улыбка была как луч солнца, пробивающийся сквозь тучи. — Я ограбил сейф Уоттоса, сообщил охотнику за головами о местонахождении гонщика, на которого он поставил, а затем купил тебя у него на его же деньги. Энакин громко рассмеялся. — Ты купил нас у него на его же деньги?! — Конечно, — Вейдер кивнул. — Работаровцы не заслуживают справедливого обращения. Энакин, переполненный радостью, обнял Вейдера — своего отца! — за бедра, которые были так высоко, как он только мог достать. — Спасибо! Большое спасибо! Вейдер неловко погладил мальчика по голове. — Да, но я хочу отвезти вас в город, чтобы как можно скорее снять передатчики. Вы готовы к поездке, мо... Шми? — Конечно, — ответила Шми, ее

глаза сияли любовью и гордостью. Энакин, затаив дыхание, смотрел на них. Он чувствовал легкую ревность, но она быстро улетучилась, когда Вейдер предложил ему сесть за руль спидера. — Ты будешь управлять, — сказал он, — ты всегда мечтал об этом. И Энакин, держась за руку своего отца, мчался навстречу новой жизни, полной надежды и счастья.

<http://tl.rulate.ru/book/103150/3573808>